

Онъ замаялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ!—сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора.—Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки—Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ же ты, братецъ!—сказалъ онъ:—поиный дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По дѣломъ же тебѣ околѣвай себя какъ муха... Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ:—А все-таки это совершенно противъ правилъ.

— Грушницкій!—отвѣчалъ я:—еще есть время: откажись отъ своей клеветы, и я тебѣ прошу все. Тебѣ не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали...

— Стрѣляйте!—отвѣчалъ онъ:—я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще виселъ на краю обрыва.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— *Finita la comedia!*—сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза.

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой; у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не дождаясь слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человека былъ бы мнѣ тягостенъ; я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я бѣжалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

«Все устроено какъ можно лучше: тѣло

«привезено обезображенное; пуля изъ груди «вынута. Всѣ увѣрены, что причиною его «смерти несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣстна ваша «ссора, покачалъ головой, но ничего не «сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ «никакихъ, и вы можете спать спокойно... «если можете... Прощайте».

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?... Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда болѣе не увидимся. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь «съ тобою, я думала то же самое; но небу «было угодно испытать меня вторично: и «не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому «голосу... ты не будешь презирать меня за «это—не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: я обязана «сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя «любитъ. Я не стану обвинять тебя—ты «поступилъ со мною, какъ поступилъ бы «всякій другой мужчина: ты любилъ меня, «какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся «взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и «однообразна. Я это поняла сначала. Но «ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала «собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибудь ты «поймешь мою глубокую вѣжность, независимость ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что «то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась съ душой «моей: она потемнѣла, но не угасла.

«Мы разстанемся навѣки; однако ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на «прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты «былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей «природѣ есть что-то особенное—тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть ненормальная, никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ «привлекательно, ни чей взоръ не общается «столько блаженства, никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами